

Георгий Садовников

*БОЛЬШАЯ
ПЕРЕМЕНА
(ИДУ К ЛЮДЯМ)*

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 14

Оформление обложки Владимира Гусакова

ISBN 978-5-389-26766-4

© Г. М. Садовников (наследник), 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

От автора

Да, герои повести те же, что и в многосерийном фильме «Большая перемена», где я был автором сценария. Это и юный учитель истории Нестор Петрович Северов, и Ганжа, и Светлана Афанасьевна, Леднев и его дочь Нелли, и Петрыкин с Ляпишевым. В повести все будто бы так, как в фильме, и в то же время не так. И несколько по-другому складываются отношения Нестора с Полиной (в повести она названа Линой), Светланы Афанасьевны с Ганжой... В повести у Северова и шире круг учеников. Ведь он преподает не только в своем «сумасшедшем и замечательном девятом „А“», но и ведет историю в шестом, седьмых и восьмых классах, и параллельных девятых. И в каждом из них тоже непростые питомцы.

Фильм смотрят уже более четверти века. У него миллионы поклонников, но мало кто знает, что его сценарий был написан по моей же повести «Иду к людям», впервые изданной еще в 1962 г., в хрущевскую оттепель. В ту пору библейский призыв: «Возлюби ближнего своего» — стал знаменем многих молодых писателей. Его исповедовали и исповедуют и по сей день многие атеисты, они-то уверены: этот девиз возник задолго до написания и Старого

и Нового Заветов. В пору своей молодости автор и сам принадлежал к их числу. Словом, эта важная для него тема главенствует в повести, а лет через десять она перетекла и в фильм «Большая перемена». Однако не все из литературной основы вошло в сценарий сериала, какие-то эпизоды остались «за кадром». Что-то из вошедшего было переименовано — «переведено» на язык кинематографа. Как известно, не все написанное в прозе может быть воплощено на экране. В эту редакцию повести включено и то, что было предложено режиссеру, но не вошло в сценарий, — не уместилось в объемы фильма, ему были отпущены четыре серии. А кое-что было изменено по идеологическим соображениям студийного руководства. Так, один из учеников Нестора Петровича немец Карл Функе, вратарь заводской команды, в фильме стал полуукраинцем-полурусским Отто Фукиным. Тогда о наших поволжских немцах, как и о крымских татарах, старались говорить как можно меньше, мол, скользкая тема, ну ее. Таким образом, прочтя эту книгу, поклонники фильма узнают кое-что новое о своих любимых героях.

Автор надеется на то, что эта повесть займет в душе у читателя место рядом с фильмом, который он смотрит и по сей день.

Светлана Афанасьевна (на уроке): Есть извечные вопросы, на которые нет ответа. Например, кто появился раньше: яйцо или курица? Что у вас, Ганжа?

Ганжа: Светлана Афанасьевна, у меня есть ответ.

Светлана Афанасьевна: Мы вас слушаем, Ганжа.

Ганжа (с широкой улыбкой): Раньше был петух!

Светлана Афанасьевна (в полном отчаянии): Ганжа, вы опять за свое?!

Из наблюдений на уроке в девятом «А».

Это был полный крах. Финита! Если бы только комедии — конец всем моим надеждам.

Удивительно, но я добрался домой живым и невредимым. Уже в двадцати шагах от института перед моим носом истошно завизжал тормозами огромный, размером с крупного мамонта, старый автобус. Оказывается, меня вынесло на проезжую часть улицы, почти под его колеса. Водитель высунул в окошко бледную от противоестественной смеси испуга и ярости физиономию и гаркнул сверху первое подвернувшееся ему на язык:

— Ты! Антилопа!

Странно: что он нашел общего между нами — мной и антилопой? А почему не зеброй или, скажем,

американским опоссумом? Впрочем, мне было не до зоологических тонкостей. Антилопа так антилопа, буду антилопой — мне теперь все равно. Я покорно вздохнул и, вернувшись на тротуар, побрел дальше. Шофер медленно ехал рядом и, распахнув автоматические двери машины, ругал меня и так и этак. Текст обличителя был густо нашпигован нецензурными существительными, сказуемыми и обилием прилагательных, я его опущу, скажу одно: он нелестно отзывался о моем интеллекте. Автобус был рейсовым, но, видимо, сошел с маршрута, возмущенные пассажиры барабанили в кабину водителя, зывали к его совести, а он никак не мог утолить свой справедливый гнев.

На главной улице — она именуется Красной — меня задержал милиционер. Оказывается, я и тут нарушил — дважды зачем-то пересек улицу, сначала перешел на противоположную сторону и тут же вернулся обратно и, как выясняется, проделал эти кренделя в неположенном месте. Милиционер полез было в сумку за квитанцией для штрафа, но, взглянув на мое лицо, махнул рукой: «Шут с тобой, топай своей дорогой, если она тебе известна!» И я шел, потерянный главным образом для себя, другим я вообще был не нужен, шел, может, час, может, неделю.

Войдя во двор, я зачем-то описал дугу и ударился лбом о притолоку старенькой осевшей веранды, пристроенной к саманному дому. Дворовый пес по кличке Сукин Сын опасно заполз в будку. От греха подальше.

Старуха-хозяйка — в ее домике я снимал маленькую комнатенку — подняла голову от корыта и поинтересовалась:

— Коньяк иль портвейное вино? Что пил-то?
На базаре говорят...

Мне было безразлично, что говорят на базаре.

— Баба Маня, баба Маня, вы бы еще вспомнили, о чем говорили на римском форуме. Во времена Цицерона, — сказал я с мягким укором и прошел к себе.

Ухнувшись на узкую железную кровать с тонким ватным матрацем, я предпринял попытку осознать происшедшее. И как ни тщился, не мог найти для своей отчаявшейся мысли не только щелки, но и микроскопической трещинки в институтском периоде своей пока еще недолгой жизни, куда бы она сумела пролезть. Он был гладким и цельным, будто доска, отполирован до блеска.

Учеба на историческом факультете, все ее четыре года были для меня сплошным триумфом. Уже на первом курсе я поражал воображение наивных девушек. Например, на танцах мог ошарашить партнершу такой феерической фразой:

— А знаете ли вы, что вход в ад помещался на территории нашей Тамани? Так считали древние греки. И я!

— Только подумать, — лепетала невежественная партнерша. Тогда я ее добивал умопомрачительным фактом.

— Как вы относитесь к опере «Князь Игорь»? Только честно.

— О! Я ее обожаю!

— Так знайте, лагерь Кончака был разбит на севере нашего края, а из этого следует... Правильно! Пленный князь спел свою знаменитую арию здесь, у нас на Кубани!

На втором курсе на меня обратили внимание серьезные люди, и я был избран старостой научного кружка. На третьем меня прозвали «курсовым академиком Тарле». На четвертом мою курсовую работу о Тмутараканском княжестве напечатал «Вестник научного студенческого общества», а профессор Волосюк сказал: я его ученик и он мной может гордиться. Словом, легко и непринужденно я прямо-таки церемониальным маршем шагал в аспирантуру.

Единственное, что немножко расстраивало мои чувства, — собственная внешность. Слишком она несолидная, какая-то неуместная для будущего великого ученого. Кондуктора до сих пор принимают меня за мальчишку.

Так и говорят:

— Мальчик, еще раз высунешься в окно, высажу из трамвая.

Сто шестьдесят сантиметров — все-таки не рост. Даже для двадцатидвухлетнего мужчины. Вот как не повезло с внешностью. Не в ней, конечно, дело. И профессор Волосюк тоже в этом убежден и довольно твердо. Сам он, по моим приблизительным расчетам, не превышал ста шестидесяти пяти или где-то возле этого.

«Нестор Северов, вес ученого определяется не количеством подкожного сала, а трудами» — его личное изречение. При этом он складывал ладони чашечками и покачивал плечами — изображал весы.

Тем не менее я предпринимал кое-какие меры.

Пробовал отрастить курчавую бороду, на манер скандинавских конунгов, но — увы! Редкий волос

лез в разные стороны и отнюдь не хотел завиваться во внушительные кольца.

Затем я, дабы придать себе побольше солидности, купил в аптеке трость, нанеся существенный урон моей и без того скромной стипендии. Но мой замысел никто не понял. Я-то степенно постукивал тростью по институтским коридорам, ну прямо как маститый ученый, а меня чуть ли не на каждом шагу сочувственно спрашивали: «Что с ногой? Где тебя угораздило?» «Бедолага, вынужден ковылять с палочкой», — говорили за моей спиной. Это про мою-то трость! И мне пришлось с ней расстаться — я ее якобы забыл у дверей районной поликлиники. Авось она все-таки сумеет исполнить свое высокое предназначение, послужив другой несомненно незаурядной персоне.

Потом прошел выпускной вечер. Однокурсники разъехались по школам, а меня оставили держать экзамены в аспирантуру.

На кафедре истории это мероприятие считалось пустой формальностью. Прием в аспирантуру был для меня предreshен. И мой будущий научный руководитель профессор Волосюк уже набросал план нашей работы на год вперед.

Правда, у меня завелся конкурент — некий сельский учитель, но это обстоятельство никто не принимал всерьез. Да и чего, действительно, ждать от человека, выбравшегося из такой глухомани, там библиотеки с академическими томами и архивы, несомненно, существовали только в воображении смельчака, пустившегося в эту бесшабашную авантюру.

Тогда-то я и снял у бабы Маши отдельную комнату и зарылся в фолианты. Где-то в нашем

городе тем же самым занимался мой соперник. Но мне было безразлично, кто он и что из себя представляет. Однажды я забежал ненадолго на кафедру истории, а там ко мне подошла молоденькая лаборантка и, округлив будто бы от изумления обведенные тушью глаза, сказала: «Северов, знаете, кто второй претендент? Вы даже не представляете!» Мне бы задержаться на лишнюю минутку и выслушать до конца, но я, самоуверенный, легкомысленно бросил: «Извините, как-нибудь в другой раз, сейчас спешу, мне еще нужно сегодня просмотреть сто страниц!» И ушел, не ведая о совершенной — и для меня гигантской — ошибке. Останься я и выслушай — и этот провал не был бы для меня такой катастрофой.

Пребывая в полном неведении о том, что... а вернее, кто меня ждет, я продолжал подготовку, вылезая вечерами на короткий променад. Так было и в этот знаменательный вечер. Правда, на сей раз я почти целый день провел в институтском читзале и потому отправился на прогулку, имея на борту, как говорят моряки, тяжелый груз — портфель, набитый конспектами и увесистыми томами монографической литературы.

Обычно я предпочитал бродить по тихим красnodарским улицам и переулкам. Но сегодня изменил своей привычке. Вблизи от нашего института простирался городской парк, и какой-то бес повел меня именно туда. Нет, я, разумеется, выбрал затененную аллею, лежавшую как бы на отшибе от веселой парковой суеты. Она была тиха и почти безлюдна — несколько темных силуэтов на скамьях, вот и весь народ. Плетясь в глубоком раздумье, я, по-

мнится, размышлял о сарматах и скифах, и мои ноги, предоставленные самим себе, самовольно привели меня к ярко освещенной арене, покрытой асфальтом, окруженной забором из металлических прутьев. Это была городская танцплощадка. Видимо, ноги полагали, будто они лучше головы осведомлены о потаенных желаниях, подпольно обитавших в глубинах моей души. И не ошиблись. Так показалось тогда. Ибо, бросив рассеянный взгляд сквозь прутья ограды, я увидел Ее. Взгляд мой мгновенно очистился от всего теперь уже постороннего, сфокусировался, окреп и подтвердил: да, это Она, единственная во всей мировой истории.

Только подумать: на Земле прошли десятки тысячелетий, вначале по ее долам и горам бродили толпы сутулых питекантропов, а затем расправивших плечи неандертальцев, потом они поняли: все, погуляли, пора уходить, — их сменили мы, привычные современные люди, у нас возникали и уходили в прошлое формации и эпохи, перемещались народы туда-сюда, сначала с востока на запад, потом с запада на север и юг и снова на восток, а то и исчезали вовсе, аки степная или городская пыль, возникали государства, и полководцы и политики кромсали карту планеты и каждый на свой лад, не отставали от них в этом неистовстве люди науки и культуры, внося в общий плавильный котел свою лепту, открывая свои великие миры и создавая бессмертные шедевры, — и все это совершалось ради того, чтобы этим вечером в Краснодаре, сейчас, в сию минуту на городской танцплощадке появилась эта девушка. Она, которую я, выходит, сам не ведая о том, ждал всю свою сознательную жизнь! «Столь удивителен

и, возможно, для кого-то непредсказуем ход Мировой Истории! И еще час тому назад, да что там, менее того, он был неведом и мне! Лично!» — подумал я, не сводя глаз с посланницы Клио, это был персональный дар богини выпускнику Нестору Северову за успехи в подведомственной ей науке.

В эти минуты оркестр молчал, переводя дух, и потому Она тоже отдыхала на деревянной скамье, обмахивалась изысканным дамским платочком. Я видел ее, можно сказать, царственный профиль. И восседала Она на скамье, будто на троне. «Изабелла Кастильская! — воскликнул я мысленно и тут же себе возразил: — Да куда там до нее Изабелле в придачу с Марией Тюдор». Эти надменные королевы, и вместе взятые, не стоили взмаха ее длинных густых ресниц! Я прошел на танцплощадку, мимоходом сказав билетерше: «Я в аспирантуру!» — и та, глянув на мой пузатый портфель, не произнесла и звука.

Я напрямик направился к Ней и учтиво произнес:

— Разрешите вами восхищаться!

Она сначала изумилась — мол, а это что еще за фрукт, так и читалось в Ее прекрасных глазах, — а затем с любопытством спросила:

— Если я не разрешу, вы же все равно будете это делать?

— Буду, — ответил я со свойственной мне прямоотой. — Не стану от вас скрывать: в Древнем Риме меня бы называли Принципиальным. С большой буквы, как у них это было принято. Так бы и говорили: «Вон по той стороне улицы, вдоль Колизея идет Нестор Принципиальный!» Колизей, естественно, в ту пору еще целый.

— Плачу откровенностью за откровенность: мне нравятся люди принципиальные, — ответила Божественная с самым наисерьезнейшим видом. — Но римляне римлянами, этих-то всегда тянуло на пафос. Их императоры, консулы и прочие трибуны будто эскадренные миноносцы: Неподкупный, Непреклонный, Стремительный, — перечислила Она, обнаружив знакомство с античной историей, морским делом и заодно чувство юмора. — Вот и вы Принципиальный. Но это было в вашем далеком древнеримском прошлом. А как вас величают сейчас? Ваши буднично мыслящие современники?

— Нестор Северов, — представился я. — А современники из нашего института говорят так: «Вон идет Нестор Северов — без пяти минут известный ученый».

— Так вот вы какой! Нестор Северов! — сказала Она с приветливой улыбкой.

Выходит, и эта дива уже наслышана о моей персоне — я воспринял данную информацию как само собой разумеющуюся. Моя известность выплеснулась за стены института и теперь растекается по всему городу и даже достигла городской танцплощадки. Рано или поздно это должно было состояться как историческая неизбежность.

— Да, я действительно такой, — признался я честно, не обманывать же Ее с первых минут нашей встречи. И вообще, я не люблю ложь.

— А я просто Полина, — вздохнула Она. — А еще проще — Лина. Для своих.

— Я вам признателен за то, что вы меня ввели в круг доверенных лиц. Я, в свою очередь, отплачу той же монетой. Сестерцией или драхмой, это уж на ваш вкус. Словом, я человек прямой, не люблю

ходить вокруг да около и потому скажу откровенно: мне хочется вам рассказать о бронзовом горшке, найденном при раскопках под деревней Ольговкой. Он, по-моему, наводит на весьма любопытные мысли. Уверен: вы будете заинтригованы.

— Чувак, ты не туда попал. Здесь не кухня. Хиляй со своим горшком куда-нибудь подальше! — услышал я грубый мужской голос.

Только теперь я заметил ее свиту — троих рослых ухоженных парней, в черных и красных рубашках с поднятыми воротниками, в узких брюках и остроносых мокалинах. У каждого волосы аккуратно причесаны и разделены пробором.

— Эдик, не груби! — прикрикнула Лина на одного из своих кавалеров. — Представь, мне тоже интересно: на какие именно мысли наводит старый бронзовый горшок?

Тут оркестр грянул бойкий фокстрот.

— Итак, Нестор, я вас слушаю. — Лина встала и положила ладонь на мое плечо.

Я взял ее правой рукой за талию и с портфелем в левой начал свой первый танец с Линой, ставший для меня историческим.

— Ваш портфель, видно, набит чем-то очень ценным. Вы боитесь с ним расстаться даже на один танец? — спросила Лина с добродушной, как я тогда истолковал, иронией.

— Нет, не боюсь, просто не знаю куда... Но вы правы: в нем собраны достижения исторической науки, — сказал я, немного сбившись с ритма.

— Может, мы доверим их моим друзьям?.. Мальчишки! Возьмите у нас портфель! — приказала она тоном кротительницы, и Эдик, недовольно рыча,

взял мой научный груз. И, накренившись на правый бок, недовольно пробурчал:

— Что у него там? Кирпичи?

— Это, Эдик, знания. И, как видишь, весьма весомые, — поучительно произнесла Лина.

Эдик одарил меня темным, недобрый взглядом.

— Ничего. Он выдержит. Тяжести — его стихия. Эдик — штангист, — сказала Лина, едва мы возобновили прерванный танец.

Мы танцевали еще и еще, вызывая неудовольствие свиты, а после танцев я проводил ее домой. За нами в некотором отдалении следовали ее мрачные придворные. Дай этим парням полную волю, и они, наверное, разорвали бы меня в мелкие клочки, аки молодые львы. Но со мной была их грозная укротительница.

Мы с Линой шли по ночным краснодарским улицам, непринужденно болтали о том о сем. Но главной темой у нас была история. Оказалось, Лина имеет к ней некоторое отношение. То есть она была дипломированным историком, закончившим Ростовский университет, но теперь работает простым учителем, и притом сельской школы, а та, в свою очередь, сеет доброе и вечное в небольшой скромной станице. Ее название тотчас вылетело из моей головы. В общем, она находилась где-то возле Тамани. А сейчас Лина гостит у своей тети, наслаждается городской жизнью и заодно, пользуясь случаем, занимается в публичной библиотеке — читает новинки, словом, повышает свой профессиональный уровень.

Когда мы прощались, я не удержался и тщеславно спросил: от кого и где она слышала обо мне.

Она рассмеялась и загадочно произнесла:

— Придет время, узнаете. Пусть пока это будет для вас сюрпризом. И надеюсь, приятным.

С этого дня мы встречались почти каждый вечер, ходили в кино, в театр и на танцы. «Я хочу натацеваться впрок, на целый учебный год. В нашей станичке не особенно попляшешь. Иначе осудят старики, и особенно старухи. Я ведь педагог! Для них вроде монашки». А потом мы бродили по городу. Как-то незаметно перешли на «ты». А однажды, когда мы прощались, случилось нечто неожиданное: я машинально протянул руки, собираясь, не зная зачем, обнять расположенный передо мной объем воздуха, а в нем, думаю, совершенно случайно оказалась Лина. Но на этом удивительное не закончилось: я так же машинально приоткрыл губы и чмокнул тот же самый объем воздуха и нечаянно попал в губы девушки. Я еще ни разу не целовал девушек, и это был мой первый поцелуй, пусть и случайный. И надо признаться, мне он понравился.

— Надо понимать, так тебя заинтересовал вкус моей помады и ты решил попробовать. И как? Тебе понравилось? — спросила Лина.

— Очень! Но если честно, на самом деле это был поцелуй, хоть и нечаянный! — признался я отчаянно.

Лина подумала и сказала:

— Если это был поцелуй... Нестор, я должна тебе сказать правду: не коллекционирую поцелуи. Даже принадлежащие гениям. И потому твой я тебе возвращаю!

Она обняла меня за шею и поцеловала. Мое наблюдение подтвердилось: ее помада действительно была восхитительной.

— Может, тебя это покоробит, — начал я осторожно, — но я в восторге, ну, от всего этого. И мне хотелось бы повторить, то есть проверить: так ли это замечательно, как показалось.

— Странно, но подобное чувство испытываю и я! И ты прав! Почему бы нам не проверить? — философски заметила Лина.

Мы было заключили друг друга в объятия, но тут появились где-то загулявшие жильцы, пожилая супружеская пара прошла в дверь, бросив в нашу сторону любопытствующий взгляд. Припозднившиеся жильцы шли и шли, можно подумать, в этот поздний вечер загулял весь дом. Нам пришлось расстаться.

И так было каждый раз: стоило нам уединиться в укромном темном месте, как сейчас же появлялись какие-то люди, не жилось им на освещенных улицах или аллеях городского парка. Непрошенных зрителей притягивало к нам будто магнитом. О поцелуях в светлую пору дня и вовсе нечего было думать. По городу ходили команды комсомольских бригадмилльцев, цепко следили за нравственностью горожан. А целоваться хотелось!

И меня как-то осенило, я сказал своей девушке:

— Есть идея! Поехали на вокзал! До отхода поезда осталось... Не важно, какой-нибудь поезд будет. Если нужно, подождем!

Моя девушка оказалась из сообразительных — все поняла даже не с одного слова, а еще раньше, избавив меня от объяснений. Она сплошь состояла из загадок. Если бы я знал из каких!

— Ты уверен, что твое призвание историк? — В ее вопросе таилась, как я потом понял, скрытая насмешка.

Но я тогда этого не заметил, самоуверенно возразил:

— Не сомневайся! Историк! А кто же еще?

— Учитель, например! Учителю находчивость как нужна! Историк без нее обойдется запросто. Он берет другим. Для работы в архивах, скажем, необходим усидчивый зад.

Она долбила свое, а я легкомысленно отмахнулся: поехали, поехали на вокзал!

Задержавшись ненадолго в зале ожидания, изучив расписание поездов, мы выбежали на перрон. С первого пути отправлялся состав «Краснодар — Новороссийск», возле вагонов колготился народ, провожающие и отъезжающие прощались, обнимая, целуя друг друга. Мы влились в это братство. Лина уезжала, провожал я.

— Ты в этом Зурбагане не задерживайся! Пиши! — говорил я Лине, сопровождая поцелуями едва ли не каждое слово.

— Я буду писать как можно чаще! А ты не скучай! — отвечала Лина.

И что ценно: на нас никто не обращал внимания. Когда этот поезд ушел, прибыл другой из Сочи. В нем будто бы приехала моя девушка, а я встречал. Мы обнялись с таким жаром, точно не виделись год.

Так мы блаженствовали три дня. До нас, казалось, никому не было дела. На перроне наши страсти считались рутиной. И все же на четвертый к нам подошли два милиционера, пожилой старшина и молодой сержант, их привел тощий носильщик с лицом, искаженным асимметрией.

— Это они! Я за ними давно наблюдаю. Будто уезжают-приезжают, даже целуются, а сами ждут:

Садовников Г.

С 14 Большая перемена (Иду к людям) : повесть /
Георгий Садовников. — СПб. : Азбука, Азбука-
Аттикус, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-389-26766-4

Георгий Михайлович Садовников (1932–2014) — писатель и сценарист. Автор любимой многими, отчасти автобиографичной повести «Иду к людям».

На ее основе совместно с режиссером Алексеем Корневым (1927–1995) писатель создал сценарий для будущей экранизации. В 1973 году зрители увидели знаменитый телефильм «Большая перемена», вошедший в золотой фонд отечественного кино. Главные роли исполнили Михаил Кононов, Евгений Леонов, Светлана Крючкова, Ролан Быков и другие замечательные актеры.

Нестор Северов — лучший выпускник исторического факультета и перспективный ученый — переживает личную и профессиональную драму: в борьбе за место в аспирантуре его обходит любимая девушка. Вчерашний студент волею судьбы отправляется воспитывать великовозрастных учеников вечерней школы.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ САДОВНИКОВ
БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА
(ИДУ К ЛЮДЯМ)

Ответственный редактор Мадина Долаева
Художественный редактор Владимир Гусakov
Технический редактор Мария Антипова
Корректор Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.08.2024.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-KIT-35763-01-R